

филологической и исторической науке конца XIX—начала XX в. как спорадическое и более или менее случайное явление; смысл самих этих «политических страстей и мирских интересов» не был и не мог быть раскрыт в домарксистской науке. Борьба «направлений», о которой обычно писали исследователи, это не столько классовая борьба, сколько борьба внутри господствующего класса (бояре и дворяне, бояре и монахи), борьба между «новгородским» и «московским» устройством и т. д. Представление о классовой борьбе как о неизбежном и постоянном явлении в жизни классового общества, о связи между экономическим базисом и такими надстроечными явлениями, как литература, было чуждо домарксистскому литературоведению.

Характерно, однако, что в буржуазной науке XX в. после появления марксистских исторических и филологических исследований наблюдается резкая оппозиция даже тем представлениям о зависимости литературы от «мирских интересов», которыенисколько не смущали В. О. Ключевского или А. А. Шахматова. Мысль о тенденциозности древнерусских писателей воспринимается теперь как мысль оскорбительная и унижающая людей того времени, приписывающая им эгоизм и своекорыстие. Говоря, например, о Иосифе Волоцком, современные западные исследователи решительно отрицают существование у него каких-либо «политических интересов», с негодованием отвергая «эгоистическое или партийно-утилитарное лжетолкование» его взглядов.⁹ Перед нами, как мы видим, прямое возвращение к точке зрения К. И. Невоструева, согласно которой «преподобный» вообще не мог иметь «никаких политических взглядов».

В наиболее развернутой форме возражения против марксистского представления о классовом характере древнерусской литературы были высказаны в статье Д. Чижевского «Социальный вопрос в древнеславянских литературах». В этой статье, написанной в резко полемическом тоне, Д. Чижевский пытается доказать, что марксистский «социологический» метод (принесший, как он готов признать, известную пользу советской историографии) оказался совершенно бесполезным при исследовании памятников древнерусской литературы. Доказательством этого, по мнению автора, может служить уже тот факт, что марксистские исследователи, писавшие о социальном характере «Моления Даниила Заточника», «пришли однако... к пяти различным ответам!».¹⁰ Заметим прежде всего, что изумление и ирония, высказанные по этому поводу Д. Чижевским (и подчеркнутые в его статье язвительным многоточием и восклицательным знаком), нам не совсем понятны. Полагает ли автор, что марксисты при решении любых, даже весьма сложных по материалу вопросов обязаны проявлять «единомыслие» щедринских градоначальников? Неужели отсутствие такого «единомыслия» в глазах Д. Чижевского является признаком слабости марксизма? Неужели представители иных научных школ, к которым Д. Чижевский относится более снисходительно, чем к марксистам, во всех частных случаях солидарны между собой? Все это очень странно.¹¹

⁹ Ср.: Т. Špidlik. Joseph de Volokolamsk. Une chapitре de la spiritualité russe. Roma, 1956, стр. 137—141; I. Holzwarth. Der «Prosvetitel» des Josif von Volokolamsk, I. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades... 1944 (машинопись из Берлинской университетской библиотеки), стр. 252—253.

¹⁰ D. Čiževskij. Aus zwei Welten. Slavistic Printings and Reprintings ed. by C. H. v. Schooneveld. Leiden University, X. S-Gravenhage, 1956, стр. 30.

¹¹ Необходимо указать, что и в изложении конкретных взглядов советских исследователей Д. Чижевский крайне тенденциозен и неточен. Желая во что бы то ни стало противопоставить друг другу взгляды своих оппонентов, Д. Чижевский смешивает вопрос о социальной среде, из которой вышел Даниил Заточник (именно об этом пи-